

ЭМАНУИЛ ЛАСКЕР

МОЙ МАТЧ С КАПАБЛАНКОЙ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
под редакцией
С. О. В А Й Н Ш Т Е Й Н А

Вступительная статья П. А. РОМАНОВСКОГО

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
"НАУКА И ШКОЛА"
ЛЕНИНГРАД 1925

Мой матч с Капабланкой
Тираж 4150
Ленинградский Гублит
N 11816 Типография Пуокра
Улица Гоголя N 9.

Драматический эпизод на острове Куба

Когда в 1922 г., после многолетних переговоров, неоднократно ставивших под сомнение самую возможность соревнования на первенство в мире, два гениальных шахматных мыслителя сели друг против друга, чтобы начать беспрецедентную в истории шахматного искусства борьбу, весь мир затаил дыхание, готовясь быть свидетелем невиданного еще напряжения шахматной мысли и воли, исключительного по своему глубокому проникновению в истину творчества.

Ласкер и Капабланка являлись противниками не только со стороны оспаривания друг у друга права именоваться первым мировым шахматистом. Их борьба представляет из себя столкновение двух шахматных пониманий, двух совершенствований в области этих пониманий, и потому еще ближе принималось к сердцу последователями и почитателями как одного, так и другого течения.

Капабланка, дитя 20 столетия, подошел к разрешению стоявшей перед ним задачи, с суровой и трезвой точки зрения практической выгоды.

С безжалостной логикой американского практицизма, во всеоружии всех технических достижений, доставшихся на долю 20 века в шахматном искусстве, сильный и крепкий физически, с прекрасной памятью, вечной верой в себя, рожденной непрерывной цепью, блестящих и неизменных побед, Капабланка являл из себя борца, перед победной звездой которого покорно склонили свои знамена не только непобедимые когда-то ветераны шахматного искусства, но и молодые таланты бурного шахматного прогресса, не сумевшие сочетать в нужной степени своих художественных исканий с практическими путями достижения победы.

За Ласкером стояло его 27-летнее шахматное первенство, достигнутое и удержанное им в продолжении столь продолжительного времени, благодаря исключительно глубокому проникновению в сущность шахматного творчества, благодаря глубочайшему философскому анализу шахматной борьбы во всех ее стадиях, благодаря верной, как ни у кого, оценке любого положения и умению проводить с неумолимой логикой и волей труднейшие по замыслу планы, величайшие по глубине замыслы.

Исключительный стратег и теоретик, превосходный шахматный, психолог, Ласкер действительно являлся носителем единственного из тех немногих дарований, которые вооруженному до зубов американскому практицизму могло противопоставить свое волевое "я".

Бессмертная борьба началась, и начало ее совсем не предвещало еще того глубоко-драматического исхода, перед фактом которого неожиданно очутился весь шахматный мир. Противники шли проторенными путями классической испанской партии и первые четыре схватки, исполненные осторожности и хладнокровия, нащупыванием друг друга - окончились безрезультатно. Затем победил Капабланка, победил неожиданно, ибо в самый последний момент Ласкер имел возможность избежать поражения. И не самый факт последнего, а характер его сразу придал дальнейшей борьбе драматический оттенок. Просмотров у подлинного Ласкера в этой борьбе быть не могло, и если Ласкер "просмотрел", это значит случилось "нечто", что оказалось сильнее могущественнейшей шахматной воли. Еще несколько безрезультатных сражений, красивейшее сопротивление мощного духа блестящей технике и знанию, и затем... катастрофа.

Та страшная катастрофа, которая разражается тем сильнее, чем сильнее было противодействие ей, чем дальше и в большем количестве накапливались обстоятельства, ее создававшие, ее вызвавшие. Исход борьбы окутался в темные драматические тона. Полное ослабление физических сил - с одной стороны, и та же могучая, молодая сокрушающая сила с другой. Сопротивление сделалось бесполезным, оно угрожало не нужным, полным, ничем неоправдываемым унижением побежденного и борьба была прекращена, и подлинная человеческая драма развернулась перед всем шахматным миром. Немногие знали истинную причину поражения Ласкера, еще меньше догадывались об них. Чувство сожаления, почти снисходительного сострадания наполняло одних, торжество и скептические улыбки овладевали другими. Все последствия низвержения "величайшего", тысячу раз повторяемые историей, оказались налицо. Многие из тех, которые в течение долгого времени добивались этой борьбы, которые жестоко осуждали гениального шахматиста, за его Готовность добровольно уступить свою, освященную десятками лет корону, за выдвинутые им тенденциозные якобы условия состязания. Многие из них готовы были сожалеть о состоявшейся борьбе, готовы были сделать из ее результатов выводы о старческом закате когда-то светлой мысли, когда-то непобедимой воли. Историческая готовность человечества окружить ореолом недостижимой славы победителя и бросить в бездну бесславного падения побежденного, вылилось во всей своей драматической простоте. Но прошло всего два года и настали времена Острова Моравской и Нью-Йорка.

Надо ли говорить, что испытали в эти времена, сохранившие веру в мощь своего учителя, последователи Ласкера. Надо ли говорить о том недоумении, которое отразилось на лицах шахматных

могильщиков, похоронивших впопыхах гениальное творчество по первому разряду. А тем, кто говорил о величайшей шахматной трагедии на острове Куба, хочется сказать: никакой трагедии не было. И не было даже драмы. Но был только драматический эпизод, о котором повествует в бесхитростном, правдивом рассказе долженствующем служить вечным преданием для многих и многих шахматистов, предназначенная во втором издании читателю настоящая книжка Эмануила Ласкера.

Н. Романовский.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книжка очень невелика, но, тем не менее, я не хочу отказаться от общепринятого предисловия. Читатель найдет в ней факты, примечания и предложения. Быть может, она возбудит интерес к шахматам. От высказанных здесь предложений я жду, что ближайшие годы шахматной жизни докажут их необходимость.

Э. Ласкер. Берлин, февраль 1922 г.

История матча

Матч с Капабланкой имеет историю, охватывающую целых десять лет. В 1911 г., во время моего кратковременного посещения Соединенных Штатов Америки, молодой маэстро письменно запросил меня об условиях матча со мной на первенство мира. Через несколько дней я выработал эти условия и сообщил их Капабланке. Последний опротестовал один пункт условий, назвав его некрасивым ("unfair"), и апеллируя к шахматной прессе, прервал переговоры.

В этом споре многие шахматисты, особенно Англии и Аргентины, стали на сторону Капабланки и, по моему мнению, совершенно несправедливо. Спорное условие гласило, что, если конечный итог тридцати матчевых партий приведет к результату 1:0, 2:1 или 3:2, то матч считается оконченным в ничью. Отсюда некоторые, напр., Берн, сделали вывод, что я стараюсь добиться значительных выгод в свою пользу, ибо в случае ничейного исхода звание чемпиона мира остается за прежним его обладателем, т.е. за мною. Однако, те же критики не обратили внимания на то обстоятельство, что матч шел на крупную денежную сумму. Вышеуказанное условие было справедливо при распределении этой суммы и одинаково выгодно для обеих сторон. То же обстоятельство, что звание чемпиона мира оставалось за мною, хотя я и был бы побежден с результатом 1 :0, 2:1 или 3:2, по существу не имело для меня никакой ценности, т. к. при таком исходе звание чемпиона для меня только тогда получило бы значение, если бы я решительно отвоевал его вновь в матче-реванше. Звание само по себе, ведь, никаких существенных выгод не дает, пока оно не признано всем шахматным миром, ибо чемпион мира, не имеющий за собой шахматного мира, на мой взгляд, смешон. Вопрос этот мог быть легко разрешен при продолжении переговоров. Однако, спор тотчас же принял столь оскорбительный оборот, что продолжение переговоров стало для меня невозможным.

В шахматной прессе 1912-1914 г г довольно часто высказывается утверждение, что я ни разу не решился подвергнуть свое звание серьезному испытанию и только потому удерживал его. У Капабланки в шахматной прессе было очень много друзей, поддерживавших его точку зрения, которые, однако, не желали даже ознакомиться с опубликованными уже документами.

Я был готов играть матч с любым претендентом, лишь бы только шахматный мир пожелал видеть этот матч, и готов был подтвердить это желание не только словами, но и жертвами со своей стороны. Я отнюдь, конечно, не желал быть объектом эксплуатации. Мне угрожала участь шахматистов, которые либо умирали с голоду, как Кизерицкий, Цукерторт, Мэкензи, либо, подобно Пильсбери и Стейницу, попадали на общественное призрение и, опустившиеся, в душевном расстройстве, кончали свою жизнь в больнице. Я готов был отдать мое искусство и мысль шахматному миру, и тем оживить его, содействуя развитию игры, но я требовал, чтобы он взял на себя ответственность за это и нес ее до конца.

До сего времени шахматный мир слишком легко относился к своим обязанностям. Так как никто не нес никакой личной ответственности за их выполнение, то среди шахматистов установилось мнение, что таких обязанностей вообще не существует. Когда какой-нибудь юный талантливый игрок возносится до небес, не удивительно, что он отдается игре и видит в том свое призвание. Это очень нравится шахматному миру. Выступление, хотя бы Морфи, Пильсбери или Харузека, вносит новые краски и настроения в шахматную жизнь, а молодой человек находит удовлетворение в лести и похвалах. Но позже, когда он становится зависимым от шахмат, некуда уже обращаться, и быстро наступают нищета и разочарование. И это лежит на совести шахматного мира.

Конечно, мне возразят, что шахматы не могут быть признаны профессией. Но миллионам шахматистов,, разыгрывающих опубликованные партии маэстро, учась на них и получая духовное наслаждение, не следовало бы держаться такой точки зрения. Опираясь на подобные аргументы, музыкальный мир мог бы лишиться куска хлеба профессиональных талантливых музыкантов, что, конечно, было бы явной несправедливостью. Только те, кто всецело посвящают себя определенному делу, могут дать что-нибудь великое в этой области. Нельзя требовать от творчески одаренных

шахматистов, чтобы они имели побочную профессию, ибо в таком случае они только разбросали бы свои силы и время и не развили бы своих способностей до мастерства ни в той, ни в другой области.

Эту точку зрения я защищал также перед организаторами международных турниров. Обычный порядок организации их приводит маэстро к гибели, т.к. расходы участников турнира превышают назначенные призы. Между тем, я принял участие в Петербургском турнире 1914 г., где я выговорил гонорар в 500 р. за каждую партию. Там встретил я Капабланку. Я получил первый приз, Капабланку второй. На заключительном банкете мы протянули друг другу руки и предали... забвению наш прошедший спор.

Затем разразилась мировая война, и после недолгого воодушевления наступили годы забот и голода. После войны шахматисты Швейцарии, Дании и Голландии приняли меня самым радушным образом. В начале 1920 г. я встретил в Голландии Капабланку. Мне указывали, что весь шахматный мир с нетерпением ожидает матча на первенство Мира между мной и Капабланкой, и таким образом, в феврале 1920 г. состоялось соглашение, подписанное мною, Капабланкой и правлением Голландского Шахматного Союза. Основные условия следующие: матч играется на большинство из тридцати партий; пятнадцать ходов в час. Гонорар - восемь тысяч долларов и возмещение расходов маэстро. Мой план был одну половину партий играть в Голландии, а другую в Соединенных Штатах. Большой интерес, возбужденный матчем в публике, позволял легко собрать гонорар путем продажи входных билетов. Притом я надеялся, что Голландский Шахматный Союз сумеет сговориться с руководящими шахматными кругами Соединенных Штатов и сделает мне соответствующее предложение, которое я охотно бы принял.

Идея эта, однако, потерпела крушение. Причин я не знаю и по сие время, и не желал бы предаваться бесплодным догадкам. Мне известно, что Английский Шахматный Союз по побуждению Голландии высказался по поводу этого проекта. Он отклонил его и официально заявил, что ни копейки на матч не пожертвует. Это смутило Голландию. К судье В. П. Шиплей поступил запрос от Маннэгттенского Шахматного Клуба, не соглашусь ли я вместо предположенных четырех часов в день играть пять; это, мол, облегчит организацию матча. Я не ответил на это предложение, т.к. оно ухудшало положение более старого из маэстро, который, очевидно, утомляется гораздо скорее более молодого, и вообще, такая долгая игра без перерыва являлась нововведением. В Чикаго были собраны для матча две тысячи долларов. В Аргентине также уже несколько лет интересовались матчем и выражали готовность пожертвовать значительные средства. Но, как сказано, все это не было достаточно для конкретного предложения. Я ждал такового напрасно в течение пяти месяцев.

Я чувствовал себя оставленным на произвол судьбы. К чему было принуждать играть матч, к чему упрекать меня в желании от него уклониться, когда эти самые энтузиасты и хулители ни в какой степени не выражали желания поддержать матч? Энтузиазм, требующий от художника жертвы, и критика, выставяющая определенные требования, в равной степени обязывают. Чего требуют от других, того же нужно и от себя требовать. Кто настаивает на жертвах, пусть сам жертвует.

При личных встречах шахматисты всегда меня чествовали. Об их личном отношении я могу вспоминать лишь с чувством трогательной благодарности. Но в данном случае не об этом идет речь. Шахматный мир представляет своеобразный организм, обладающий единством и целостью, даже, сказал бы я, душою; и от него можно требовать этического сознания и совести. В 1920 г. шахматный мир согрешил против своей совести.

Пусть не говорят, что требования маэстро были чрезмерны. Матч на первенства мира отнюдь не маленькое начинание. Одна только игра при благоприятных обстоятельствах, при условии, то ни один из игроков не капитулирует, потребует три месяца упорной борьбы. Тренировка отнимет еще три месяца. Сюда надо прибавить время на переговоры и переезды. В течение этого времени маэстро не может заняться ничем другим; после же матча он нуждается в отдыхе, чтобы иметь возможность после сильного одностороннего напряжения вновь обратиться к другим делам. В наше время обесценения денег восемь тысяч долларов, разделенные между двумя маэстро, являются скромным вознаграждением за подобный труд. Кроме того, нужно принять во внимание, что подобный матч - явление редкое, результат долголетнего напряжения шахматного мира.

Собрать требуемую сумму также не представляло трудностей. Мой план был действовать демократично:

собирать небольшие суммы продаж входных билетов. Таким образом, вне всякого сомнения, на каждую партию удалось бы продать несколько сот билетов, на первую партию в Нью-Йорке, вероятно, не менее тысячи. Капабланка противопоставлял другой план. Он хотел обеспечить матч с помощью

всего лишь нескольких жертвователей. Мой план был более реальным и обещает много в будущем, но Капабланка провел свой.

17 июня 1920 г. я получил от шахматного клуба Буэнос-Айреса письмо от 15 мая. Оно заключало в себе предложение играть матч с Капабланкой в Буэнос-Айресе, но на условиях, которые противоречили нашему соглашению. Я понял письмо, как попытку критиковать наше соглашение. После стольких разочарований, чувствуя, что шахматный мир с радостью встретит перемену обладателя звания чемпиона мира, я решил без колебаний в ответ на вызов Капабланки окончательно отклонить его, отказаться от звания и передать его Капабланке. Правда, позднее я обратил внимание на то, что письмо было послано 15 мая 1919 г. и пробыло таким образом в пути более года; очевидно, что оно не могло содержать никакой критики соглашения. Тем не менее, я не сожалел о моем решении. Если шахматный мир не выражал желания организовать матч в подходящих для меня климатических условиях и подобающей обстановке, то я, как чемпион мира, не желал его играть. Ибо чемпион мира не должен ронять своего достоинства. Я твердо решил, как чемпион мира, не ехать на родину моего противника, в полутропическую Гаванну. Матчи с более старыми по возрасту маэстро я всегда играл на их родине. Даже играя со Шлехтером, который был моложе меня, половину матча я провел в Вене. С Яновским, который одних лет со мною, я играл весь матч в Париже. Каждый зависит, ведь, от климата, питания, обстановки, и старый человек зависит гораздо сильнее молодого.

Шахматная пресса была поражена. Мнение, что я держусь за звание чемпиона мира и отстаиваю его всеми средствами, казалось ей непоколебимой истиной. К сожалению, пресса отнюдь не глубокий психолог.

Теперь уже она упрекала меня, что я не имел права отказываться от звания в пользу Капабланки. Некоторые даже утверждали, что я вообще не имел никакого права отказываться от звания. Напротив, всегда существовал обычай, согласно которому рыцарь, уклонившийся от вызова, тем самым терял свое звание, автоматически переходившее к его противнику.

Конечно, шахматисты вправе сами создавать для себя законы. К несчастью, шахматный мир далеко еще не организован. Еще до войны его международные связи были непрочны, теперь же они окончательно порвались. При таких обстоятельствах трудно настаивать на плановости действий. Я питал надежды, что мой отказ от звания вызовет движение в пользу организации шахматного мира. Между прочим, несколько соглашений было заключено, например, между Английскими и Итальянскими Шахматными Союзами, а также были основаны союзы в Испании и Соединенных Штатах. Тем не менее, организация подвигается вперед медленно, и не с этой стороны поступило предложение, давшее возможность матчу осуществиться.

Мой отказ от звания, о чем я письменно известил Капабланку, поставил последнего перед дилеммой - принять или не принять звание чемпиона мира. Он не отказался от него, но, конечно, сознавал, что звание, полученное без борьбы, нужно укрепить шахматной победой. Поэтому, он отправился из Гаванны в Европу и пригласил меня встретиться с ним в Голландии, с тем, чтобы предложить мне играть матч в Гаванне.

Уже до того он распространил в Соединенных Штатах и Аргентине известие, о котором я ничего не знал, что шахматисты Гаванны собрали двадцать тысяч долларов, чтобы увидеть матч у себя. Если он стремился играть матч только в Гаванне, то это было ловким ходом, ибо трудно было в Соединенных Штатах или Аргентине получить контр-предложение на таких же условиях. Распространение же подобных слухов с какой либо другой целью было бы бессмысленно, ибо они ни на чем не были основаны. Еще в октябре этого года Д. Понсе писал мне, что, хотя деньги в Гаванне и обещаны, но не собраны; и только в конце декабря деньги были пожертвованы. Но, в таком случае, распространение подобных слухов только тормозило дело, и я имел бы полное основание протестовать и требовать разъяснений по этому поводу.

В момент получения письма Капабланки я был занят литературной и научной работой. Я питаю глубокий интерес к старинной игре, идея которой поразительно близка как жизни, так и философии; однако, мой интерес к шахматам отнюдь не поглощает меня целиком. Бывали годы, когда я, работая над математическими и философскими вопросами, не сыграл ни одной партии; и я надеюсь, что моя "Философия несовершенства", даже моя теория модулей и идеалов надолго переживет мою шахматную славу. Письмо Капабланки поставило меня перед дилеммой - прервать ли снова мои занятия или отложить матч еще на время.

Идея матча так долго, часто и напрасно, волновала меня, что стала мне уже тягостной. Удовольствие от этого матча было уже отравлено, оставалось лишь чувство какой-то неприятности. Я

решил покончить с этим делом и отправился в Голландию для новых переговоров. В августе мы уговорились сыграть матч из 24 партий, в основе, на старых условиях, но во-первых, Капабланка признавался мной чемпионом мира - я отказался взять свое отречение назад, - во-вторых, местом матча была назначена Гаванна, время - начало января, в-третьих, гонорар определялся в двадцать тысяч долларов. Гонорар этот делился между участниками, при чем я получал одиннадцать тысяч долларов, но из этой суммы должен был покрыть разнообразные, весьма значительные расходы. Наше соглашение обусловлено было поручительством ответственных гаваннских шахматных деятелей, которое должно было последовать до начала сентября.

Если бы хоть в дальнейшем все прошло гладко! Но обнаружилось, что организация матча в Гаванне была обеспечена лишь устными обещаниями. Я напрасно ожидал окончательных известий. Я обратился к Понсе, старому шахматисту, занимающему в Гаванне должность судьи и выбранному нами третейским судьей. В начале октября он ответил мне, что лица, обещавшие финансировать матч, в настоящее время уехали из Гаванны, что же касается его, то он не может ни взять на себя обязанностей третейского судьи, ни поручиться за осуществление матча.

Я перестал тогда думать о матче и занялся коммерческими делами. Охоты к научным занятиям у меня больше не появлялось.

Внезапно к концу года от г. Труффин была получена телеграмма, гласившая, что если я не потерял еще желания играть матч, то мне будут телеграфно переведены три тысячи долларов; погода в Гаванне обычно стоит хорошая до конца апреля.

Я обсудил предложение. Трех тысяч долларов должно было хватить на покрытие расходов по поездке туда и обратно. Четыре тысячи долларов на покрытие издержек по пребыванию в Гаванне я должен был получить в начале матча, а остальные четыре тысячи - к концу его. Я поехал бы со своей женой, которая не раз мне сопровождала в тяжелых обстоятельствах. Правда, полутропический климат, но я стану ежедневно купаться и играть только прохладными вечерами. Что же касается до тренировки, - ну до 10 марта еще добрых два с половиной месяца, и все еще можно хорошо наладить.

Я телеграфно ответил, что могу начать матч 10 марта.

Будь я моложе и честлюбивее, я, наверно, отложил бы матч на январь 1922 г., ибо для людей умеренного пояса январь самый приятный месяц в Гаванне. Но в моем возрасте целый год ожидания слишком долгий срок. Чувствуется уже, что времени осталось немного, и спешить закончить все то, что кажется нужным совершить. Мой поступок был определенно легкомысленным; но легкомыслие всегда было в моем характере, и я ничуть о том не сожалею. С лихорадочной поспешностью я принялся за хлопоты. Закупили для меня с женой одежду, подходящую к условиям тропического климата, уладили паспортные формальности, привели в порядок, насколько было возможно, свои домашние дела, и 12 февраля отправились в Амстердам, где нас встретили дорогие друзья; а 15 февраля взойшли на борт "Голландии", которая на девятнадцатый день через Коруну и Виго доставила нас в Гаванну. Мы уехали при глубоком снеге, закутанные в меха, а сошли на берег в летнюю погоду в легчайшей одежде. Одни из друзей наших, г. Корбер и президент шахматного клуба в Гаванне, г. Пазос, доставили нас с "Голландий" на берег на лодках. Мы приехали в самый красивый, но и самый дорогой в мире, зимний курорт. А моя тренировка? - Я сделал все, что было в моих силах, но, благодаря хлопотам и приготовлениям к переезду, ничего определенного и уверенного у меня не получилось. Я решил воспользоваться, насколько возможно, последними днями отдыха, в течение которых я должен был привыкать к климату. В дальнейшем же я рассчитывал на тренировку в процессе борьбы, что мне уже часто помогало, особенно, в Петербурге. Я взял на себя посылку "Telegraaf" в Амстердам еженедельных корреспонденций о ходе матча. Так как эти корреспонденции - плод непосредственного переживания, то лучшее, что я могу сделать, это воспроизвести их здесь дословно.

Текст партий, непосредственно переданный из Гаванны с примечаниями, составленными впоследствии

Гаванна, 21 Марта 1921 г

Матч начался двумя ничьими; третья партия прервана и закончится, по-видимому, также ничьей. Впереди еще много ничьих; это зависит от характера матча, в котором противниками являются два современных маэстро. Быть может, об этом следует пожалеть, но это так.

Шахматная игра приближается к совершенству. Из нее исчезают элементы игры и неопределенности. Слишком много в наше время знают; нет, следовательно, необходимости угадывать, как это приходилось делать в дни нашей юности, нам, более старым маэстро. Быть может, это печально, но знание приносит за собою смерть.

Я всегда противился изучению. Но уже Пильсбери начал изучать дебюты вплоть до самых крайних выводов, и его метод победил. Теперь все знают лучшие дебютные ходы ферзевого гамбита или испанской партии, и чувствуют себя в них, как дома. Раньше можно было искать прелестных приключений, в наше время исчезла прелесть неизвестности.

Старые маэстро, конечно, не откажутся от исканий; они любят и понимают искания на неизведанных путях. Но в наше время это стало гораздо труднее, чем это было прежде.

Ниже следуют обе первые партии.

Первая партия.

Капабланка - Ласкер

1.d4 d5 2.Nf3 e6 3.c4 Nf6 4.Bg5 Be7 5.e3 Nbd7 6.Nc3 O-O 7.Rc1 b6 8.cd5 ed5 9.Bb5 Bb7 10.Qa4 a6 11.Bd7

Не Bb5-c6 из-за b6-b5.

11...Nd7 12.Be7 Qe7 13.Qb3 Qd6 14.O-O Rfd8 15.Rfd1 Rab8 16.Ne1 Nf6 17.Rc2 c5 18.dc5 bc5

Теперь угрожает атака с d5-d4 и последующим Nf6-g4.

19. Ne2

Лучший способ защиты. Если черные будут теперь наступать, то они сами попадают в невыгодное положение.

19...Ne4 20.Qa3 Rbc8 21.Ng3 Ng3 22.hg3 Qb6 23.Rcd2 h6 24.Nf3 d4 25.ed4 Bf3 26.Qf3 Rd4

Проще было c5xd4. Теперь черные получают слабые пешки.

27.Rc2 Rd1+ 28.Qd1 Rd8 29.Qe2 Qd6 30.Kh2 Qd5 31.b3 Qf5 32.g4 Qg5 33.g3 Rd6 34.Kg2 g6 35.Qc4 Re6

Rd6-d4 с последующим Qxd4 также давало равную партию.

36.Qc5 Qg4 37.f3 Qg5 38.Qg5 hg5 39.Kf2 Rd6 40.Ke3 Re6+ 41.Kd4 Rd6+ 42.Ke3 Re6+ 43.Kf2 Rd6 44.g4 Rd1 45.Ke2 Ra1 46.Kd3 Kg7 47.b4 Rf1 48.Ke3 Rb1 49.Rc6 Rb4 50.Rxa6 Rb2 1/2-1/2

Ничья.

{2.44 - 2.35}

К первой партии. (Дополнение).

Если белые на 23 ходу играют Nc1-d3, то черные отвечают c5-c4, что бы затем пойти d5-d4. 24.Qa3-Qb4 не проходит из-за 24...Qb6xb4 25.Nd3xb4 a6-a5. С другой стороны, если 23.Rd1-c1, то d5-d4 24.Rc2xc5 Rc8xc5 25. Rc1xc5 и теперь, примерно, 25...d4-d3 26.Ne1xd3 Rd8xd3 27. Qa3xd3 Qb6xc5 28. Qd3-d7 Ba8, или 25...d4xe3, после чего белые получают слабое пешечное расположение и, во всяком случае, не имеют никаких преимуществ. Поэтому белые должны играть 23.Rc2-d2, чтобы затруднить продвижение пешки d.

Упустили белые на 42 ходу выигрыш? 42.Kc5 Rd3 43.Kb6 Rxf3 44.Kxa6 Rxb3 45.b4 Ra3+ 46.Kb7 g4 47.b5 g3 48.b6 f5 49.Kc6! Ra6? 50.Kb5 Rb6+ 51.Kb6 f4 52.Rg2 Kf7 53.Kc5 g5 54.Kd4 g4 55.Kd3! Теперь f4-f3 уже не годится 55...Kg6 56.a4 Kg5 57.Kd2 Kh4 58.Ke1 f3 59.Kf1 или 57...f3 58.Rg3 Kf4 59.Rg4+ Kg4 60.Ke1. По-видимому, белые должны выиграть. Однако, у черных есть достаточная защита, именно 49...Ra3-a8! 50.b7 Rb8 (на 50...Ra8-f8 следует 51.Kc6-d5) 51.a4 f4 52.a5 f3 53.a6 f2 54.a7 Rf8 55.b8=Q f1=Q 56.a8=Q Qh1+ или же 52.Rg2 Rf8 53.a5 f3 54.Rxb3 f2. И наконец 51.Kc7 Rxb7+ 52.Kxb7. Теперь белый король слишком удален. 52...f4 53.Rg2 Kf7 и на 54.a4 g5 55.a5 g4 56.a6 f3 черные получают перевес. После 54.Kc6 Kf6 55.Kc5 Ke5 56.Re2+ Kf5 57.Kd4 f3, черный король, с большей силой, чем белый, входит в игру, и белые должны быть очень довольны, если им удастся добиться ничьей.

Журнал Аргентинского Шахматного Союза приводит к вышеуказанному ходу выигрыш, но он ошибается в положении, предполагая, что пешка a6 стоит на a5. Тогда легко выигрывает 42. Kc5 Rd3 43. Kb6 Rxf3 44. g4. Но так как пешка a6 стоит фактически на a6, то Rf6 делает ничью.

Вторая партия.

Ласкер - Капабланка

1.d4 d5 2.c4 e6 3.Nc3 Nf6 4.Nf3 Nbd7 5.e3 Be7 6.Bd3 0-0 7.0-0 dc4 8.Bc4 c5 9.Qe2 14 a6 10.Rd1 b5 11.Bd3 Bb7 12.e4 cd4 13.Nd4 Ne5 14.Nb3

Правильным ходом было Bd3-c2. Ход в тексте рискован.

14... Nd3 15.Rd3 Qc7 16.e5

Нельзя Bc1-g5 из-за Nf6xe4.

16... Nd5 17.Rg3 Nc3 18.Rc3 Qd7 19.Rg3 Rfd8 20.Bh6 g6 21.Be3

Что бы пойти Nb3-c5.

21... Qd5 22.Na5 Rac8 23.Nb7 Qb7

Черные угрожают Qb7-e4.

24.Bh6 Qd5 25.b3 Qd4 26.Rf1 Rd5 27.Re3 Ba3 28.g3 Qb2 29.Re1 Rc2 30.Qf3 Be7 31.R3e2

Защищает a2, ибо на Qxa2 следует Rxc2 с последующим Rc1.

31... Re2 32.Re2 Qb1+ 33.Kg2 Bf8 34.Bf4 h6 35.h4 b4 36.Qe4

На 36.Qf3-e3 ответ был бы Rd5-d1.

36... Qe4+ 37.Re4 Kg7 38.Rc4 Bc5 39.Kf3 g5

При 39...a5 40.Rc2 Bd4 41.Rd2 Bc3 42.Rd5 ed5 43.Be3 у белых было бы благоприятное положение.

40.hg5 hg5 41.Bg5 1/2-1/2

Ничья.

{2.36 - 2.37}

Ко второй партии. (Дополнение).

16-ый ход белых освобождает пункт d5 и облегчает, поэтому игру черных. Однако, у белых нет выбора. Черные угрожают b4. Должны ли белые пойти 16.f2-f3? Но на это черные отвечают сильным a5 и тогда возможность шаха на b6 дает достаточную защиту пешке b5. По-видимому, в этом случае игра белых расстраивается.

На 18-м ходу заманчиво было 18.b2xc3. Конечно, черные лучше всего отвечают 18...Kh8 19.Be3 Be4 (19...Qe5? 20.Bd4!) 20.Bd4 Bg6, и черные получают атаку на ферзевом фланге, причем их король защищен.

Гаванна, 28 марта.

За последнюю неделю матч слабо продвинулся вперед. Пасха побудила пропустить несколько дней. Каждый маэстро пожертвовал на это одним из предоставленных ему по условиям матча трех свободных дней. Таким образом, удалось только закончить третью прерванную партию и сыграть четвертую. Результат по-прежнему 0:0. Прием, который я здесь встретил, мне довольно приятен. Симпатии кубинцев к их соотечественнику вполне естественны; во всяком случае не бросаются в глаза и не навязчивы. Климат причиняет северянину много беспокойства, и я перенес из-за него пару скверных дней; но это, должно быть, явления акклиматизации, и они пройдут. Город красиво построен; новый город - произведение последних десяти лет, похож на вытянувшуюся рошу, подобно тем, что посвящались греческим богам. Дома построены из белого камня в стиле, представляющим нечто среднее между Америкой и Испанией. Дома разделяются большим расстоянием и, таким образом, со всех сторон имеют много света и воздуха. Пальмы, сады и большие площади. Ко всему этому палящее солнце, которое почти никогда не заслоняют тучи; ночью яркий свет луны, которому помгает море электрических огней. Город прекрасный, как сказочное видение.

Третья партия

Капабланка - Ласкер

1.e4 e5 2.Nf3 Nc6 3.Nc3 Nf6 4.Bb5 d6 5.d4 Bd7 6.0-0 Be7 7.Re1 ed4 8.Nd4 0-0 9.Bc6 bc6 10.Bg5 h6 11.Bh4 Re8 12.Qd3 Nh7 13.Be7 Re7 14.Re3 Qb8

Этот ход дает партии определенный характер. Хотя непосредственной угрозы Qxb2 нет, так как Ra1-b1, Qb2-a3, Nc3-d5 выигрывает качество, ходом этим оказывается давление на b2 и ослабляется позиция белых.

15.b3 Qb6 16.Rae1 Rae8 17.Nf3

Белые хотят сыграть e4-e5, чтобы ослабить пункт c5.

17... Qa5 18.Qd2

Теперь угрожает Nc3-d5.

18... Ng5 19.Ng5 hg5 20.h3 Re5 21.Rd1 Bc8 22.Rd3 Qb6 23.Kh2 R8e6 24.Rg3 Rf6

Белые хотят ходом f2-f4 открыть линию лады, черные препятствуют этому маневру контратакой на f2.

25.Kg1

Если 25.f2-f3, то, примерно, не Qb6-a5 из-за 26.Nc3-d5, но Qd6-c5.

25... Kf8 26.Na4 Qa5 27.Qa5 Ra5 28.Rc3 Bb7 29.f3 Re6 30.Rcd3 Ba6 31.Rd4 f6 32.Rc1 c5 33.Rd2 Bb5 34.Nc3 Bc6 35.a4 Ra6 36.Kf2 Rb6 37.Nd1 Kf7 38.Ne3 Rb8 39.Rh1 Ree8 40.Rdd1 Rh8 41.g4 Bd7 42.Nd5 Rb7 43.Kg3 Rh4 44.Rd3 Be6 45.c4

Белые намеренно создают себе слабые пешки на b3 и h3!Ю чтобы на всякий случай воспрепятствовать продвижению с c5 и g5. Этим они блокируют позицию и добиваются ничьей.

45... Rh8 46.Rc1 Ke8 47.Ne3 Kd7 48.Ng2 Rbb8 49.Re1 Kc6 50.Ne3 Rbe8 51.Rb1 Rh7 52.Rd2 Rb8 53.Rd3 Rbh8 54.Rh1 Kb6 55.Rh2 Kc6 56.Rh1 Rb8 57.Rh2 Rf8 58.Rh1 Kd7 59.Rh2 Bf7 60.Nf5 Rfh8 61.Ne3 Ke6 62.Nd5 Rc8 63.Ne3 1/2-1/2

Ничья.

{3.09 - 4.20}

К третьей партии. (Дополнение).

20-й ход белых необходим, иначе черным ходом g4 парализуют белые пешки.

21-й ход черных нерешителен. Конечно, кажущийся более энергичным, ход f7-f5 плох. Не годится хотя бы из-за 22.e5 Re3 23.f3 Bf5, причем слабость пунктов c2 и e3, даже после 24.e4 Bg6, дает черным хорошие шансы. Но белые, конечно, не разменивают пешки. И после 21...f5 22.f3 было бы g5 слабо. Например, 22...d5 23.Rd3, или 22...f4 23.Rd3, и теперь белые при случае, угрожают h3-h4, и черные принуждены скорее к защите. Однако, 21...g5-g4 было бы более сильным продолжением. Например, 22.hg4 Bg4 23.f3 Bc8 24.Qd4 Qb6 25.Red3 f5.

К 24-му ходу черных. Выкрутасы, но не конец! Почему не 24.f7-f6? Если белые на это ответят 25.f2-f4, то они после gf4 26.Qf4 Rh5, попадают в плохое положение. К 27-му ходу. После размена ферзей у черных нет ни в коем случае шансов на выигрыш, предполагая, что белые без страха и иллюзий пойдут прямым путем. Без сомнения, Капабланка именно такой человек.

К 35-му ходу белых. Белые грозят ходом Rc1-a1 запереть черную ладью. Если Ra5-a6, то 36.a4-a5.

Четвертая партия. (Дополнение).

Ласкер - Капабланка

1.d4 d5 2.c4 e6 3.Nc3 Nf6 4.Bg5 Be7 5.e3 0-0 6.Nf3 Nbd7 7.Qc2 c6

Способ развития, дающий черным мало свободы движения. Теоретический ход c7-c5.

8.Bd3

Но это, по-видимому, не самое правильное. Пока пешка c4 находилась под боем, лучше было, пожалуй, 8.a1-Rc1 или 8.a2-a3. Например, 8.a3 b6 9.cd5 cd5 10.Bb5 Bb7 11.O-O, и белые оказывают большое давление.

8... dc4 9.Bc4 Nd5 10.Be7 Qe7 11.0-0 Nc3 12.bc3 Bb7 13.Bd3 g6 14.a4 Bb7 15.a5 c5 16.Nd2

Недостаточно агрессивно! С 16.e3-e4 белые могли развязать положение, напр., 16...f5 17.Nd2 или 16.Ra8-c8 17.Qc2-b2.

16... e5

Этим черные окончательно выравнивают игру.

17.Be4 Be4 18.Qe4 Rae8 19.ab6 ab6 20.Ra7 ed4 21.Qc6

Бесполезное осложнение. Напрашивался размен ферзей.

21... Rd8 22.cd4 cd4 23.ed4 Qf6 24.Qf6 Nf6 25.Nf3 Nd5 26.Rb1 f6 27.Kf1 Rf7 28.Rba1 Rdd7 29.Rd7 Rd7 30.g3 1/2-1/2

Ничья.

Гаванна, 4 апреля.

Последняя неделя дала первый результат. Я проиграл пятую партию матча, правда, благодаря грубой ошибке. Но Капабланка очень хорошо разыграл дебют. Я сделал тот самый, до сих пор неисследованный ход, испытанный мною уже в первой партии и вызвавший необходимость жертвы пешки. Капабланка опроверг жертву тремя решительными ходами, и мне пришлось для поддержания атаки отдать качество. Партия продолжалась очень напряженно, пока, наконец, я не достиг ясного ничейного положения. И тогда внезапно силы мне изменили. Причины чисто шахматного характера не имели здесь места. В моем распоряжении было много времени, и положение было очень простое, но я, не обдумав, сделал ход.

По-видимому, это действие акклиматизации к раскаленному и очень яркому солнцу Кубы. По моим наблюдениям, оно вызывает состояние усталости и чувство головокружения, - своеобразное опьянение солнцем. Местные жители говорят, что тропическое солнце делает кровь легче; чувство головокружения, по-видимому, следствие определенного отлива крови из мозга. Живу я здесь на строгой диете. Для маэстро, которые приедут сюда на предполагаемый здесь в Гаванне в декабре международный турнир, я опишу мой здешний образ жизни: никакого алкоголя, мало кофе или чаю, почти полное воздержание от мяса: все это чересчур возбуждает. Рыба, рис, бобы, яйца, салат и местные фрукты; из напитков - молоко, сок апельсинов или кедровых орехов или вода местного источника, aqua Сан-Франциско. Грешу я только курением. Сигара служит искуплением моей вообще благоразумной жизни.

Партия пятая.

Капабланка - Ласкер

1.d4 d5 2.Nf3 Nf6 3.c4 e6 4.Bg5 Nbd7 5.e3 Be7 6.Nc3 0-0 7.Rc1 b6

Ход сомнительного качества. Правильный ход c7-c6.

8.cd5 ed5 9.Qa4 c5

Я был вынужден к этой жертве пешки, т. к. после 9.Bc8-b7 10.Bf1-a6 черные имели бы неприятные слабости на пунктах a6 и c6, а 9.Nd7-b8 не выглядит заманчиво.

10.Qc6 Rb8 11.Nd5 Bb7

Черные имеют атаку. Но Капабланка выпутывается из затруднений.

12.Ne7+ Qe7 13.Qa4 Rbc8

Положение тяжелое. Черные угрожают c5xd4.

14.Qa3! Qe6 15.Bf6! Qf6 16.Ba6!

Теперь дорог хороший совет. Черные не успевают сыграть 16...cd4, так как после 17.Rc8 Rc8 18.0-0 пешка d4 потеряна.

16... Bf3 17.Rc8 Rc8 18.0-0 17.Bc8 Rc8 18.gf3 Qf3 19.Rg1 Re8 20.Qd3 g6

Если теперь 21.d4xc5, то Nd7-e5 с давлением на d3 и f3.

21.Kf1 Re4

После этого угрожает Qh3+

22.Qd1 Qh3+ 23.Rg2 Nf6 24.Kg1 cd4 25.Rc4!

Великолепно! Плохо было бы Re4-g4 из-за Rc8+ с последующим Rxc4.

25.de3 26.Re4 Ne4 27.Qd8+ Kg7 28.Qd4+ Nf6 29.fe3 Qe6 30.Rf2 g5 31.h4 gh4?

Это было нехорошо. Лучше 31... Kg6 32.hg5 Ne4 33.Qd3 Qg4+ 34.Rg2 Qh4 35.Qb1 Kg7. Пешка g5 теряется и черные стоят прочно.

32.Qh4 Ng4 33.Qg5+ Kf8 34.Rf5

Здесь было очень сильно Rf2-d2, ибо черные должны сыграть f7-f6, что ослабляет положение короля.

34... h5

Наилучший ход. После 34...Qe3+ 35.Qe3 Ne3 36.Rf2 с последующим Rf2-e2 белые легко выигрывают.

35.Qd8+ Kg7 36.Qg5+ Kf8 37.Qd8+ Kg7 38.Qg5+ Kf8 39.b3 Qd6 40.Qf4 Qd1+ 41.Qf1 Qd7 42.Rh5 Ne3 43.Qf3 Qd4 44.Qa8+ Ke7 45.Qb7+ Kf8?

Ужасная ошибка. Ходом Ke7-e6 или Ke7-f6 черные избежали бы размена ферзей.

46.Qb8+

Сдался.

К пятой партии. (Дополнение).

13-й ход черных ошибочен. Проще всего было играть уже до того на 11 ходу на ничью. 11...Nd5 12.Qd5 Bb7 13.Be7 Qe7 14.Qg5 Qg5 15.Ng5 cd4 16.ed4 Nf6; принимая во внимание хорошее развитие черных изолированную пешку не удержать. Насколько мне известно, этот вариант принадлежит Тейхману. Но и на 13-ом ходе черные еще могут добиться равной игры, именно путем 13...Bf3 14.gf3 cd4 15.Qd4 Ne5 16.Be2 Rbd8, и если теперь 17.Qc3, то Rd5 с различными угрозами, а если 17.Qf4, то Rd6. В этом случае угрозы тоже многочисленны, например, после рокировки Rd6-d2. Этот анализ исходит от Дураса.

К 45-ому ходу черных. Высказывались предположения, что причиной моей грубой ошибки был недостаток времени. Но дело было совсем не в этом. У меня было четверть часа на обдумывание, но я совершенно не способен был на это.

Шестая партия. (Дополнение).

Ласкер - Капабланка

1.e4 e5 2.Nf3 Nc6 3.Bb5 Nf6 4.0-0 d6 5.d4 Bd7 6.Nc3 Be7 7.Re1

Здесь напрашивается Bb5xc6. Этот вариант препятствует укреплению центральных черных пешек и приводит после 7.Bd7xc6 8.Rf1-e1 e5xd4 9.Nf3xd4 к определенному неравенству в фигурах и, тем самым, к интересным осложнениям. Правда, каких-либо преимуществ для белых я нигде не вижу, т. к. черные занимают крепкое положение.

7...ed4 8.Nd4 0-0 9.Bc6 bc6 10.Bg5 Re8 11.Qd3 h6 12.Bh4 Nh7 13.Be7 Re7 14.Qc4

Этот ход прогоняет черного ферзя на e8 и отделяет его от b6. Однако, белый ферзь теперь слишком выставлен вперед.

14...Qe8 15.Re2

Это слишком искусственно. Правильно 15.Re3 Если затем d5 16.ed5 Re3 17.fe3 cd5, то белые ни в коем случае не должны играть 18.Qd5, потому что тогда следует 18...Qe3+ 19.Kh1 Rae8 или 19.Kf1 Rd8 20.Nc6 Nf6. Напротив, 18.Qc4xc7 дает неплохую игру.

15...Rb8 16.b3 c5 17.Nf3 Bb5 18.Nb5 Qb5 19.Qb5 Rb5

Это предвещает ничью.

20.Kf1 Ng5

Черные очень удачно маневрируют конем. Однако, из всего этого ничего не выходит. При равной игре ведь возможны любые маневры с легкими фигурами, поскольку это существенно не изменяет положение.

21.Nd2 Ne6 22.c3 f6 23.Nc4 Nf4 24.Re3 Ng6 25.Nd2 Rb8 26.g3 a5 27.a4 Ne5 28.f4 Nd7 29.Ke2 Nb6 30.Kd3 c6 31.Rae1 Kf7 32.Nc4 Nc4

Попытка поставить короля между вражескими пешками, но без достаточной силы. Проще всего было Kd3-c2.

32.Nc4 33.Kc4 Re6

Этот ход должен при e4-e5 защитить пешку c5.

35.fe5 d5+ 36.Kc5 Rb3

Белые король прорвался. Однако, это не достаточно для форсированного выигрыша. Во всяком случае, 37.Rf1+ поставило бы еще перед черными задачи. Например, если 37... Ke7 38.h4 Rg6 39.Rf4 и белые стоят угрожающе. Черные, конечно, играют 39...h5 40.Ref3. При этом у белых остается инициатива. Но белые все это сводят на нет грубой ошибкой, которая им стоит пешки.

37.c4? dc4

Теперь белым приходится добиваться ничьей.

38.Re4 c3 39.Rc4 h5 40.Re3 Rb2 41.Rcc3 Rh2 42.Kb6 Rb2+ 43.Ka5 g5 1/2-1/2

Ничья.

Седьмая партия.

Капабланка - Ласкер

1.d4 d5 2.Nf3 e6 3.c4 Nf6 4.Bg5 Be7 5.e3 Nbd7 6.Nc3 0-0 7.Rc1 c6 8.Qc2 c5

Черные как будто потеряли ход, в то время, как белые, поставили ферзя на c2, ослабили нажим на d5 и ничего существенного не выиграли.

9.Rd1

Капабланка опять сводит к известному варианту, с тем только отличием, что черные потратили два хода, чтобы пойти с c7 на c5, а белые, чтобы ладьей a1 на d1.

9...Qa5 10.cd5 Nd5 11.Be7 Ne7 12.Bd3 Nf6 13.0-0 cd4 14.Nd4 Bd7 15.Ne4 Ned5 16.Nb3 Qd8

Если теперь 17.Nb3-c5?, то Ra8-c8.

17.Nf6+ Nf6 18.Qc5 Qb6 19.Rc1 Rfc8 20.Qb6 ab6 21.Rc8+ Rc8 22.Rc1 Rc1+ 23.Nc1 1/2-1/2

Ничья.

Восьмая партия. (Дополнение).

Ласкер - Капабланка

1.d4 d5 2.Nf3 Nf6 3.c4 c6

Это тоже возможно.

4.e3

Слишком робко! 4.Nb1-c3 более агрессивно.

4...Bf5

При 4.Nb1-c3, ход в тексте был бы невозможен, потому что тогда черные имели бы неприятности после 5.c4xd5 c6xd5 6.Qd1-b3.

5.Nc3 e6 6.Bd3 Bd3 7.Qd3 Nbd7 8.0-0 Bd6 9.e4 de4 10.Ne4 Ne4 11.Qe4 0-0 12.Bd2 Qf6 13.Rad1 Qg6 14.Qg6 hg6 15.Bc3 Rfd8 16.Rfe1 Bc7

При правильной игре партия, конечно, ничья.

17.Kf1 Nf8 18.Bd2 f6 19.h4 Kf7 20.g3 Nd7 21.Be3 Nb6 22.Rc1 Nc8 23.Re2 Ne7 24.Rc3 a6

Черные подготавливают b7-b5, чтобы использовать c4 и занять пункт d5.

25.a4 Rab8 26.b4

Белые теперь угрожают b4-b5

26...b5

Наилучший ход. Черные получают господство над пунктом d5, белые в качестве компенсации проходную пешку.

27.cb5 ab5 28.a5 Bd6 29.Rb3 Nd5 30.Bd2 Rdc8 1/2-1/2

Ничья.

Девятая партия. (Дополнение).

Капабланка - Ласкер

1.d4 d5 2.Nf3 e6 3.c4 c5

Можно играть также и этот вариант, очень рекомендуемый Таррашем. Конечно, черные должны учесть изолированное положение своей ферзевой пешки.

4.cd5 ed5 5.Nc3 Nc6 6.g3 Nf6 7.Bg2 Be6 8.0-0 Be7 9.dc5 Bc5 10.Bg5 d4

Идее этого тонкого хода, или, по крайней мере, дальнейшему развитию ее, обязан шахматный мир Таррашу.

11.Ne4 Be7 12.Nf6+

Бильгер указывает продолжение 12.Bf6 Bf6 13.Qa4 Bd5 14.Nf6+ Qf6 15.Rfd1 0-0-0 16.Rac1 Kb8. Мне кажется, что в этом положении черные могут держаться.

12...Bf6 13.Bf6 Qf6 14.Qa4 0-0

Мне показался этот ход лучше чем Be6-d5. Черные стоят теперь довольно хорошо. Хотя ферзевая пешка под угрозой, у черных в свою очередь имеются контр-шансы.

15.Qb5 Rab8 16.Rfd1 h6

Это защищает важного слона e6 от белого коня.

17.Ne1 Rfe8 18.Rd2

Понятно, Bg2xc6 было бы плохо, ибо тогда большое значение получит слон e6.

18...Bg4 19.Rc1 Re5 20.Qd3 Rbe8 21.Bf3

Если 21.Bc6, то Be2 с преимуществом.

21...Bf3 22.Nf3 Re4 23.Rc4 Qe6

Жаль! Черные имеют достаточно времени, чтобы соглашаться на ничью. Ходом Qf6-g6 черные поставили бы противника перед тяжелой задачей ибо тогда угрожает Re4xe2. Напр., 24.Kf1 Qg4 25.Kg2 Qe6 26.Nd4 Qd5

24.Nd4 Nd4

Плохо было бы Qe6-d6 из-за 25.Qd3-c3. Здесь партия была признана ничьей.

Гаванна 11 апреля.

Эта неделя принесла Капабланке новую победу. У него теперь 2 очка против 0. В результате десяти законченных партий это дает значительный перевес. Стиль Капабланки был выше всяких упреков. Нельзя сказать того же в отношении меня, особенно, поскольку это касается десятой партии. В ней я допустил ошибки в оценке положения и, бросающиеся в глаза, промахи. Эта слабость, без сомнения, объясняется действием яркого и горячего солнечного света, при котором трудно вести упорную умственную работу; в особенности человеку, который еще не освоился с климатом, что в тропиках длится довольно продолжительное время. Но я думаю, что этот вопрос имеет и другую сторону, которую я сейчас изложу.

Существует общий закон, что утомленный человек обнаруживает в первую голову те недостатки, которые он едва только успел преодолеть. Ошибки, колебания, заблуждения и промахи, допускаемые им в состоянии усталости, скорее всего - именно те, бороться с которыми он научился позже всего. Мое последнее достижение в области шахмат было как раз разыгрывание равных положений. В течение долгого времени задача эта представляла для меня крайние трудности. Такие положения не возбуждали моей фантазии, т. к. они не давали повода к решительным комбинациям и утомляли меня. Я полагаю, что состояние усталости в таком именно положении приводит меня к тяжелым ошибкам. В таких случаях я не в силах бороться с усталостью, т. к. причины, ее вызывающие, чисто физического характера: жара и ослепляющий блеск апрельского солнца Гаванны.

Я теперь пытаюсь войти снова в свою колею, изучая положения указанного характера и укрепляя себя в этом направлении. Сначала я изобрел метод для ведения моих исследований. Не сомневаюсь, что я добьюсь таким образом достижений. Но, к сожалению, положение таково, что и лучшая теория не поможет, если она не проводится целесообразно. Дать же моим мыслям ясное изложение - задача, к разрешению коей я питаю мало доверия.

Но друзья мои могут быть уверены, что я сознательно и бодро использую свои силы в том состоянии, как они есть, принимая во внимание их упадок, и меня не смутит при этом достигнутый

результат, независимо от того, будет ли он велик или мал. Не должен ли человек гордиться, когда ему благоприятствует счастье; если же его преследуют неудачи, то он должен был бы смеяться, ибо судьба, по-видимому, решила подвергнуть его мужество испытанию. Человек несет ответственность за свою волю и свой труд, но не за результат своих усилий. Поэтому, пусть он достойным образом применяет и развивает свою волю и труд, пусть любит и гордится ими и в худые, как и в хорошие времена надеется на таинственные силы, которые определяют успех.

Десятая партия

Ласкер - Капабланка

1.d4 d5 2.c4 e6 3.Nc3 Nf6 4.Bg5 Be7 5.e3 0-0 6.Nf3 Nbd7 7.Qc2 c5 8.Rd1 Qa5 9.Bd3 h6 10.Bh4 cd4 11.ed4 dc4 12.Bc4 Nb6 13.Bb3 Bd7 14.0-0 Rac8 15.Ne5 Bb5 16.Rfe1 Nbd5 17.Bd5 Nd5 18.Be7 Ne7 19.Qb3 Bc6 20.Nc6 bc6 21.Re5 Qb6 22.Qc2 Rfd8 23.Ne2

Здесь я начинаю играть посредственно. Ладья пошла на e5, чтобы напасть на c5. Следовательно здесь напрашивался ход Nc3-a4.

23...Rd5 24.Rd5

Еще хуже предыдущего хода. Правильно было 24.Re3. Если затем Nf5 25.Rb3 Qd8 26.Rb4, то белые выигрывают время для контратаки Rb4-c4 или Rb4-a4 или g2-g4.

24...cd5

Теперь черные соединили свои пешки и овладели всем ферзевым флангом.

25.Qd2 Nf5 26.b3

Слабая игра! Для этого продвижения еще было достаточно времени. Лучше 26.g2-g3.

26...h5! 27.h3?

Безусловно плохой ход, т. к. он позволяет белым путем h5-h4 парализовать белые пешки.

27...h4 28.Qd3 Rc6 29.Kf1 g6 30.Qb1 Qb4 31.Kg1?

Король стоял хорошо, т. к. белым все их силы нужны на центральной линии. Белые должны пойти Qb1-b2.

31...a5!

Это решает исход партии. Теперь черные красиво выигрывают. Начиная отсюда и до конца, черные играют с прямолинейной последовательностью. Логичность последующих маневров очаровательна. Они говорят сами за себя и не нуждаются в объяснениях.

32.Qb2 a4 33.Qd2 Qd2 34.Rd2 ab3 35.ab3 Rb6 36.Rd3 Ra6 37.g4 hg3 38.fg3 Ra2 39.Nc3 Rc2 40.Nd1 Ne7 41.Ne3 Rc1+ 42.Kf2 Nc6 43.Nd1 Rb1

Избегая ловушки 43...Nb4 44.Rd2 Rb1 45.Nb2 Rb2? 46.Rb2 Nd3+ 47.Ke3 Nb2 48.Kd2, и коню нет спасения.

44.Ke2? Rb3 45.Ke3 Rb4 46.Nc3 Ne7 47.Ne2 Nf5+ 48.Kf2 g5 49.g4 Nd6 50.Ng1 Ne4+ 51.Kf1 Rb1+ 52.Kg2 Rb2+ 53.Kf1 Rf2+ 54.Ke1 Ra2 55.Kf1 Kg7 56.Re3 Kg6 57.Rd3 f6 58.Re3 Kf7 59.Rd3 Ke7 60.Re3 Kd6 61.Rd3 Rf2+ 62.Ke1 Rg2 63.Kf1 Ra2 64.Re3 e5 65.Rd3 ed4 66.Rd4 Kc5 67.Rd1 d4 68.Rc1+ Kd5 0-1

Сдался.

К 10-й партии. (Дополнение).

Белые в дебюте получили перевес, однако, не сумели использовать случая. Преждевременно скончавшийся гениальный маэстро Брейер указал в своих примечаниях правильное продолжение. На 17-м ходе белые должны были играть: 17.Bf6. Если затем 17...Nf6, то белые выигрывают следующим образом: 18.Ng6 Rfe8, или 18...fg6 19.Re6. И если 17...Bf6 18.Bd5 ed5, то 19.Qf5, угрожая Ne5-g4. Черные по-видимому попадают в жестокие затруднения. Примерно, 19...Be5 20.de5 Bc6 21.Re3 или Rd1-d4 с угрозой атаки на короля.

Гаванна, 18 апреля.

Снова прошла неделя, в течение которой Капабланка увеличил число выигранных им партий. На этот раз, партией выставляющей его стиль в очень выгодном свете: всю партию он провел энергично и, вместе с тем, осторожно, нащупывая прочные позиции, из которых легко можно было бы перейти в атаку. Я играл эту партию недурно, за исключением последней части. Тут силы мне изменили, очевидно, благодаря действию климата. Указанием этим, однако, я не желаю умалять заслуг Капабланки, ибо он заставил меня разрешать задачи, достаточно трудные, чтобы окончательно сломить силы любого утомленного игрока, - а большего извлечь из положения он не мог.

Недавно предлагали уменьшить число партий, первоначально предложенное в количестве 24. Хотя такое сокращение при моем физическом состоянии является только желательным, я отклонил его, т. к. мне казалось, что я должен сыграть матч до конца, как того требует турнирная этика. Во всяком случае,

все человеческие обязательства имеют свой предел; как гласит старая поговорка: *ultra posse nemo obligatur* (сверх силы никого не обяжешь). Тяжела задача - играть при температуре в 32 градуса по Цельсию в тени с партнером - местным уроженцем, не подверженным поэтому утомлению; ночь же приносит лишь слабую прохладу, т. к. продолжает дуть теплый южный ветер. Сегодня, при температуре в 29 градусов и северном ветре, было прохладно. Однако, в Германии в 25 градусов закрывают школы, хотя ночи там приносят прохладу. В здешних условиях отказываются служить все органы тела!

Какими же обильными обедами питался я в Амстердаме и Гааге. Теперь же я съедаю лишь пару тарелок супа в день и не желаю ничего другого; это доказывает, что здесь исчезают даже аппетиты европейца. Несмотря на все это, Гаванна прекрасна, как сновидение; климат не хорош и приятен зимою, приблизительно от середины марта. Европейские маэстро могут в течение этого времени играть здесь упорные партии в свойственном им стиле, но ни коим образом в другое время года.

Одиннадцатая партия.

Капабланка - Ласкер

1.d4 d5 2.Nf3 e6 3.c4 Nf6 4.Bg5 Nbd7 5.e3 Be7 6.Nc3 0-0 7.Rc1 Re8 8.Qc2 c6

Трудная защита.

9.Bd3 dc4 10.Bc4 Nd5 11.Be7 Re7 12.0-0 Nf8 13.Rfd1 Bd7 14.e4 Nb6 15.Bf1 Rc8

Черные здесь и в дальнейшем препятствуют прорыву с d4-d5.

16.b4 17.Qb3 Rec7 18.a4 Ng6 19.a5 Nd7 20.e5 b6 21.Ne4 Rb8 22.Qc3 Nf4 23.Nd6 Nd5 24.Qa3 f6 25.Ne8 Qe8 26.ef6 gf6 27.b5

В предвидении этого хода черные должны были предварительно сыграть b6xa5.

27...Rbc8 28.bc6 Rc6 29.Rc6 Rc6 30.ab6 ab6 31.Re1 Qc8 32.Nd2 Nf8?

Лучше 32...Rc3 33.Qa1 Nf8 34.Ne4 Rc7, причем черные выигрывают важный темп.

33.Ne4 Qd8 34.h4 Rc7

35.Qb3 Rg7 36.g3 Ra7

Для контратаки f6-f5-f4 уже слишком поздно. Теперь дает себя знать потеря темпа.

37.Bc4 Ra5 38.Nc3

Оставить коня на d5 и здесь разменять его привело бы к затяжной и трудной для черных игре.

39.Qc3 Kf7 40.Qe3 Qd6 41.Qe4 Ra4?

Самоубийство! Начиная отсюда, черные играют очень вяло. Лучше Ra5-a7, чтобы после d4-d5, e6-e5 держать игру закрытой.

42.Qb7+ Kg6 43.Qc8 Qb4?

Все еще представлялась возможность сыграть Ra4-a7.

44.Rc1 Qe7 45.Bd3+ Kh6 46.Rc7 Ra1+ 47.Kg2 Qd6 48.Qf8+ 1-0

Сдался.

Дополнение к одиннадцатой партии.

34-й ход черных слаб. Здесь была возможность контратаки. Если 34...f5 35.Ng5 h6 36.Nf3 Rc3 37.Qa1 Rf3 38.gf3 Nf4 или 38...Qh4 и у черных великолепное положение; а при 35.Bb5 Rc7 36.Ng5 Rc3 37.Qa2 Nd5-e7 тоже довольно хорошо.

43-й ход черных ниже всякой критики. При 43...Ra7 не видно непосредственного выигрыша для белых. Например: 44.Be6 Ne6 45.Re6 Qd4 46.Qg8+ Kh5.

Двенадцатая партия. (Дополнение).

Ласкер - Капабланка

1.e4 e5 2.Nf3 Nc6 3.Bb5 Nf6 4.0-0 d6 5.d4 Bd7 6.Nc3 Be7 7.Re1 ed4 8.Nd4 0-0 9.Bf1

Белые могут здесь делать, не нанося себе ущерба, различные ходы; например, обычно играемый Bb5xc6, или также b2-b3, также не плох ход в тексте.

9...Re8 10.f3 Bf8 11.Bg5 h6 12.Bh4 g6

Защита, избранная здесь Капабланкой, затруднительна.

13.Nd5 Bg7 14.Nb5 g5

Другой возможностью было Ra8-c8, после чего белые ходом c2-c4, сильно стесняют черных и все-таки вынуждают g6-g5.

15.Ndc7 gh4 16.Na8 Qa8 17.Nc7?

Здесь я сделал промах. Лучше было взять центральную пешку, чем качество. Сыграв 17.Qd6, белые получили бы богатую игру. Примерно: Rd8 18.Qf4 h3 19.Rad1, и белые имеют ладью и две пешки за две легкие фигуры при лучшем развитии.

17...Qd8 18.Ne8 Ne8 19.Rb1

Теперь пешка d6 служит опорным пунктом, и у белых нет легких фигур, чтобы ее взять. Поэтому все усилия белых выиграть партию в конце концов должны потерпеть неудачу.

19...Be6 20.c3

Если белые пойдут c2-c4, то на d4 окажется дыра, более чувствительная, чем потеря пешки, и, кроме того, Bf1 будет обречен на бездействие. "Field" дает продолжение, 20.c4 Qa5 21.a3 Bc4 22.Bc4 Qc5+, но я полагаю, что черные с 20...Be5 21.Qd2 Qf6 могут продолжить игру значительно лучше.

20...Ba2 21.Ra1 Be6 22.Qd2 a6 23.Qf2 h5 24.f4 Bh6 25.Be2

Этим белые выигрывают пешку, однако, важная пешка e4 разменивается. Целесообразнее было 25.Bd3 h3 26.Kh1, и ладьи приобретают сильное значение.

25...Nf6 26.Qh4 Ne4 27.Qd8+ Nd8 28.Ba6 d5 29.Be2

На Ba6-d3 ответ был бы Ne4-c5.

29...Bf4 30.Bh5 Bc7 31.Rad1

Этот ход, правда, не искусен, потому что он подставляет ладьи слишком ударам легких фигур, но поскольку черные ограничиваются защитой, белые ни в коем случае не могут выиграть. Например: 31.Bf3 Nf6 32.g3 Nc6 33.Kg2 Kg7 34.b4 Nd7. Угрожать слону e6 невозможно без жертвы качества. Черные принципиально препятствуют жертве ладьи в обмен за слона и пешку. Продвижение пешки h2 против короля g7 не имеет никакой силы; коротко говоря, всякая попытка играть на выигрыш не имеет никаких видов на успех. С другой стороны у черных также нет никаких оснований для атаки. Примерно: после 31.Rad1 f5? 32.Bf3 Nc6 33.c4 Bb6+ 34.Ka1 Nd4, белые имеют, несмотря на по-видимому, стесненное положение, очень сильный контр-ход 35.b3, после которого грозит c4xd5 с последующим Rxd4 и Re1-d1. Партия была на этом месте прервана и при возобновлении призвана без дальнейшей игры ничьей.

Гаванна, 25 апреля.

Снова прошла неделя, и новый проигрыш, так что положение теперь таково: Капабланка - 4, Ласкер - 0, ничьих 10. Это решает судьбу матча. Он проигран, и я предложил его сдать. Сейчас обсуждают, принять ли мое предложение. Конечно, если бы я владел моими силами и здоровьем, я продолжал бы игру, хотя, без всякого сомнения, матч спасти уже нельзя. Но симптомы моего физического упадка умножаются, а дни становятся все жарче, напряженное мышление - все опаснее. Не в упорной борьбе теперь я нуждаюсь, а в покое, чтобы не причинить себе вреда на долгое время; а этим я ни в коем случае не хочу рисковать.

Проигранная мною на этой на этой неделе партия стояла для меня очень хорошо. Но к исходу четвертого часа, когда контрольное время уже было близко, я был почти истощен и несколькими явными промахами уничтожил весь свой стратегический план. Как сквозь туман смотрел я на шахматную доску, и голова моя подозрительно болела. Это было мне предостережением, и я внял ему.

Люди нередко идут за идею на смерть, и часто с полным основанием. Чтобы защитить отечество, добиться признания ценной истины, создать великое произведение искусства, люди приносят себя в жертву, и благо, которого они добиваются, стоит любой из этих жертв.

Но, если бы я стал рисковать своим здоровьем, то вполне заслужил бы имя Дон Кихота, и по многим основаниям. Одно из них то, что сейчас и здесь все условия абсолютно не подходят для шахматного творчества. Случай для этого представится еще не раз в будущем.

Во всяком случае, было бы большой несправедливостью не признать, что Капабланка со своей стороны добился очень хорошего успеха.

Тринадцатая партия.

1.d4 d5 2.Nf3 Nf6 3.c4 e6 4.Bg5 Be7 5.e3 Nbd7 6.Nc3 0-0 7.Rc1 Re8 8.Qc2 h6

Не сразу c7-c5 из-за 9.cd5 Nd5 10.Nd5 Bg5 11.Ng5, и выигрывают.

9.Bh4 c5 10.cd5 Nd5 11.Be7 Ne7 12.dc5 Nc5 13.Bb5 Bd7 14.0-0

Если здесь или до этого сыграть b2-b4, то конь отступит на a6. Если же пойти Rc1-d1, то Qd8-c8. Все подобные атаки совершенно бессмысленны.

14...Qb6 15.Bd7 Nd7 16.Rfd1 Red8 17.h3 Rac8 18.Qa4 Nc6 19.Qb5 a6 20.Qb6 Nb6 21.Rd8+ Nd8 22.Ne2 Kf8 23.Rc8 Nc8 1/2-1/2

Прервана, как ничья.

К тринадцатой партии. (Дополнение).

Мне кажется, что черные могут вероятно добиться равной партии, как это здесь и получается. Правда, Капабланка играет, избегая осложнений. Размен на 12-м ходу белых, очевидно, облегчает

задачу черных. Если 12.Bb5, то положение затруднилось бы. Черные, по-видимому, отвечают cd4. И белым приходится рискнуть на 13.ed4. Тогда a6 14.Bd3 14...Nb6 15.0-0 Bd7 16.Ne5 Nbd5 17.Bh7+ Kf8 18.Ne4 Bc6 19.Rfd1 Rc8 20.Qd2. Получается положение, богатое возможностями. Впрочем, вышеуказанный ряд ходов я даю лишь как пример, а отнюдь не как единственную возможность. Напр., 14...Nf8 было бы проще и здоровее. Я хочу этим показать, что план белых можно задумать глубже, чем это сделал Капабланка.

Четырнадцатая партия.

1.e4 e5 2.Nf3 Nc6 3.Bb5 Nf6 4.0-0 d6 5.d4 Bd7 6.Nc3 Be7 7.Bc6 Bc6 8.Qd3 ed4 9.Nd4 Bd7 10.Bg5 0-0 11.Rae1 h6 12.Bh4 Nh7

Излюбленный маневр Капабланки.

13.Be7 Qe7 14.Nd5 Qd8 15.c4 Re8 16.f4 c6

Черные стеснены и вынуждены, чтобы освободиться, так или иначе ослабить ферзевую пешку.

17.Nc3 Qb6 18.b3 Rad8

Плохо было 18...f6 из-за 19.Na4 Qa5 20.Qc3 с перевесом в игре.

19.Kh1 Nf6 20.h3 Bc8 21.Rd1 Re7 22.Rfe1 Rde8 23.Re2 Qa5 24.Rf1 Qh5 25.Kg1 a6 26.Rff2

Простое a2-a4, чтобы навсегда пересечь возможность b7-b5, было бы лучше.

26...Qg6 27.Rf3 Qh5 28.f5

Непоправимая поспешность, губящая весь план наступления. Играя b3-b4 или a2-a4, белые стояли бы прекрасно.

28...Qh4 29.Kh2?

Вдобавок грубая ошибка. Естественно было бы Rf3-e3. Возможно и a2-a4.

29...Ng4+

Выигрывает качество и партию.

30.Kh1 Ne5 31.Qd2 Nf3 32.Nf3 Qf6 33.a4 g6 34.fg6 fg6 35.Re3 Bf5 36.Qd3

Бесполезной попыткой бы сыграть 36.Rd3 Be4 37.Rd6 Qg7 38.Nh4 Bf5 39.g4, и черные выигрывают, напр., Re3.

36...g5 37.Nd2 Bg6 38.b4 Qe6 39.b5 ab5 40.ab5 Ra8 41.Qb1 Qe5 42.Qe1 Kh7 43.bc6 bc6 44.Qg3 Qg3 45.Rg3 Ra3 46.Kh2 Rb7 47.c5 dc5 48.Nc4 Ra1 49.Ne5 Rc1 50.h4 Re7 51.Nc6 Re6 52.Nd8 gh4 53.Rd3 Rf6 54.Rd7+ Kh8 55.Nd5 Rff1 56.Kh3 Be4 0-1

Сдался.

К четырнадцатой партии. (Дополнение).

19-й ход белых обнаруживает уже атрофию моих способностей. Я мог здесь немедленно перейти к атаке ходом h2-h3 или g2-g4. Начиная отсюда вплоть до грубой ошибки на 29-м ходу, моя игра лишена всяких идей. Капабланка выжидает. Он ходит ферзем взад и вперед, помышляя беспрестанно об атаке, которая не ослабила бы его положения. Я мог так же выжидать, сыграв хотя бы на 28-ом ходе b3-b4 или a2-a4, как я уже указывал. В этом случае, черные стояли весьма стесненно. Но я не был способен уяснить положение и располагал очень малым временем; кроме того, я чувствовал, что продолжение борьбы в моем состоянии подвергало меня серьезному риску.

Гаванна, 30 апреля.

В моих предыдущих письмах я поддавался впечатлениям, менявшимся в зависимости от перспектив матча, и выражал мои колеблющиеся чувства. То, что тогда было еще неясно, ныне совершившийся факт. Теперь пишу я последнее письмо о матче под впечатлением определенных и непреложных фактов. Несмотря на все трудности, которых в этом матче было больше, чем в каком-либо другом, с шахматной точки зрения он являлся для меня наслаждением. Правда, внешние условия были неблагоприятны, но игра Капабланки ставила передо мной подлинные задачи. Его партии ясны, логичны и сильны. В них нет ничего скрытого, искусственного или вымученного. Мысль его сквозит из его ходов, даже, когда он хочет схитрить. Играет ли он на ничью, или на выигрыш, боится ли он проиграть, — во всех случаях ход его ясно обнаруживает его чувства. При всем том, хотя ходы его и прозрачны, однако отнюдь не банальны и часто глубоки. Капабланка не любит ни запутанных положений, ни авантюр. Он хочет знать наперед, куда он идет. Глубина его игры — глубина математика, а не поэта. У него душа римлянина, а не грека. Комбинации Андерсена и Чигорина были возможны лишь в определенные моменты, они были крайне индивидуальны; в комбинациях Капабланки время редко играет какую-либо роль, почти всегда он может отложить их без ущерба на несколько ходов, и при этом едва изменяются, так как они рождаются из общих принципов. Андерсен и Чигорин искали случайных положений; Капабланка руководится логичностью крепких позиций. Он ценит лишь то, что

имеет под собою почву, например: прочность позиции, нажим на слабый пункт, не доверяет случайности, хотя бы, задачному мату. Предшественниками Капабланки были Мэзон и Шлехтер; но он превосходит этих маэстро, обладая способностью проводить тонкие и дальновидные комбинации, использующие определенный момент что редко обнаруживали Мэзон и Шлехтер. В пятой партии матча Капабланка подобной комбинацией опроверг дебют, возможность чего была под сомнением в течение долгих лет. Капабланку нельзя испугать неправильной или подозрительной жертвой. Если он располагает достаточным временем для обдумывания, он точно и строго исследует комбинацию противника и обнаружит ее слабые стороны. Он играет так, как будто недоверчиво относится к стилю Андерсена и Чигорина, быть может ненавидит его и даже боится.

Его игра была мне приятна. Я рад был иметь перед собой противника, упорного как железо, однако, обстоятельства не позволили мне играть так, как я предполагал. В условиях климата и образа жизни мои достоинства притупились. Способность оценки позиции, точность расчета, даже простой взгляд на положение настолько были ослаблены и спутаны, что под влиянием усталости почти сошли на нет. Я не мог избежать этого, хотя и не считал себя деморализованным. Явления эти имели основания физиологического характера: потение, потерю в весе, бессонницу и, как следствие, невозможность сосредоточиться на долгое время. В результате процесс этот распространился и на мои мыслительные способности, однако, он не коснулся ни моего характера, ни решительности, ни самообладания.

Когда я почувствовал, что моему здоровью угрожает серьезная опасность, я испугался, но не поддался субъективному впечатлению, а посоветовался с врачом-кубинцем, постоянно пользующим одну знакомую семью; он оказался очень знающим, любезным человеком, хорошо знакомым с островом, уроженцем коего он был. Мне пришлось говорить с ним по-испански, вперемешку парой французских и латинских фраз - все это я знаю крайне слабо, но, тем не менее, мы вели с ним долгую и интересную беседу.

Врач, которому я указал симптомы, посоветовал мне соблюдать строжайший покой. Он пояснил: „Здесь для вас слишком много света, жары и шума. Солнечный свет действует у нас гораздо сильнее, чем на севере. Это заставляет человеческое тело излучать и потреблять гораздо больше энергии, чем в более холодных и темных зонах". „Следовательно, г-н доктор, это и заставляет меня инстинктивно искать покоя? Должно быть, поэтому то мои способности отказываются работать, несмотря на все мои усилия?" „Конечно. Вы нуждаетесь в покое; ваш мозг не в силах выполнять требования, которые вы ему предъявляете". И он дал мне подробные разъяснения. Мои переживания подтвердили все, что он сказал. Он объяснил мое чувство головокружения, мою неспособность, по прошествии нескольких часов игры, оценить позицию или даже точно видеть положение.

Однако, как я уже указал выше, факты эти не объясняют еще всего. Их нужно дополнить указанием на одну слабую сторону моей игры. Многие годы я ничего не делал для развития своей игры, напротив, я невольно препятствовал усовершенствованию своего стиля. Я затрачивал свои духовные силы в другой области и притом крайне расточительно. Я не хотел также поддерживать быстрый прогресс игры, ибо он угрожал самой жизни шахмат. Я видел, как шахматы все более теряют прелесть игры и неизвестности, как их загадочность превращалась в определенность, как шахматы механизировались до степени объекта памяти; я сожалел о стремительном ходе этого процесса, казавшегося мне ненужно быстрым. Я не шел по этому пути, хотя и видел, что он в конце концов неизбежен так же, как неизбежна смерть. И в течение матча, мне уж не удалось восполнить этот пробел, так как времени было мало и внешняя обстановка крайне неблагоприятна.

Капабланка кажется воплощением этого автоматического стиля. И теперь, после того как я боролся с этим стилем и проникся его духом, я примирился с ним. Ибо я вижу, что и ему еще предстоит пройти этапы развития и он, в свою очередь, вызывает ряд вопросов. Это успокаивает меня, ибо я люблю все, что еще загадочно. Конечно, шахматам уже недолго хранить свои тайны. Приближается роковой час этой старинной игры. В современном ее состоянии шахматная игра скоро погибнет от ничейной смерти; неизбежная победа достоверности и механизации наложит свою печать на судьбу шахмат. Тогда придется изобретать новые правила изменить, напр., начальное положение и внести разнообразие в оценку выигрыша и проигрыша и, таким образом, создать новые затруднения и новые тайны, ибо нельзя дать умереть старинной игре.

Является ли Капабланка идеальным, последним маэстро? Не думаю. Но он заслуживает звания чемпиона мира. Его стиль чрезвычайно характерен, аккуратен и изобретателен, логичен и энергичен. В любой борьбе он будет сражаться с честью.

Стиль Капабланки. Самокритика. Угрожающая шахматам ничейная смерть. Об организационных формах шахматного мира. Обратный путь.

В течение 14 партий матча я наделал не мало грубых промахов. Если их отнести за счет климата, питания, обстановки, и не принять всего этого во внимание, то партии, несмотря на то, что они совершенно искажены грубыми ошибками, покажут все-таки стиль и своеобразие.

Стиль Капабланки поражает своей логикой. Он является результатом жестокой внутренней работы, это выкованная целесообразность. Представьте себе молодого человека, одаренного громадной силой воли, который случайно посвящает себя не коммерции или политике - областям, гораздо более ему подходящим, а шахматам и вкладывает в эту игру незаурядную, быть может, даже выдающуюся фантазию. Этот человек сильного характера, подстрекаемый юношеским честолюбием, невероятно много работает, чтобы преодолеть непонятную трудность предмета и, не давая себя запутать различными мнениями, изучает и овладевает своеобразием предмета. Таков был путь Капабланки. В результате - стиль, на котором еще заметны следы творческой работы и определяемый исключительно, целесообразностью. Сын практической расы, Капабланка поставил себе целью выигрывать у определенного противника в определенное время, ни больше, ни меньше. Имеются, конечно, еще и другие достойные труда цели, например, исследовать вневременную ценность шахматного мышления. Однако, и цель, поставленная Капабланкой и преследуемая законными средствами, также достойна внимания, и мастерское достижение ее представляет немалый интерес. Тактика, применяемая в большинстве случаев Капабланкой, заключается в продвижении фигур в центр и постепенной подготовке размена пешек; этим путем он достигает изменения положения, которое он умеет хорошо использовать, благодаря центральному положению его фигур.

Фантазия Капабланки сдержанна; он желает понимать. Противник может идти ощупью, он же желает видеть, куда он идет. Мы привыкли представлять себе великих гениев одаренными интуицией и, подобно ясновидящим, прозревающими то, что скрыто от других. Возможно, что Капабланка подавил в себе элемент ясновидения, ибо при этом опасность промахов слишком велика. Возможно, что его гений распространяется исключительно на практическое и рациональное, так что лишь в этом направлении он желал бы быть ясновидящим. Как бы там ни было, мне кажется, что фантазия Капабланки не обладает вольным и широким размахом.

Что ж себе еще сказать?

Люблю себя критиковать,
При случай не прочь ругнуть,
Чтоб злостных критиков спугнуть,
Чтоб скромным средь людей прослыть
И всех смиреньем удивить.
Мои друзья поверят мне,
Что откровенен я вполне.
А тем, что я к себе жесток,
Придирки лакомый кусок
Я вырву от людишек злых,
И возражать заставлю их.
Да комплименты расточать,
Мне этим радость доставлять
Увидишь лишь, поспорь со мной, -
Совсем я парень ни дурной.

Таков совет Вильгельма Буша, хорошо знавшего человеческое сердце; и я с удовольствием последую этому совету. Без сомнения, я заслужил проигрыш матча. Не из-за грубых ошибок, их можно не считать; но я не сумел противопоставить логике Капабланки ничего, кроме комбинаций, лишенных точности, силы и размаха. Мне удавалось, особенно в последней части матча, ставить Капабланку в невыгодное положение, но у меня не хватало умения воспользоваться достигнутым преимуществом. По своей последовательности игра Капабланки была определенно выше моей.

В начале матча я играл осторожно, так как я сознавал, что мне еще нужно обрести свою прежнюю форму. В течение шести лет я не участвовал ни в одном серьезном состязании; те немногие партии, которые и играл во время войны, носили печать этого ужасного времени. Лишь позже, приблизительно во второй половине матча, я вновь вошел, в колею; я начинал партию хорошо, но не проявлял ни выдержки, ни ясного понимания логики построения.

Правда, я имею оправдание в самом существовании шахмат. Современное развитие шахматной игры не благоприятствует вольному полету фантазии; оно не вознаграждает, а разочаровывает, так как, в конце концов, работа фантазии становится бесцельной. Разумеется, можно играть лучше противника, но этого

еще недостаточно для выигрыша. Логический исход партии часто бывает ничейным, несмотря на то, что один из противников явно переиграл другого. Достигнутое в игре преимущество часто слишком ничтожно и тонко и, брошенное на оценочную шкалу игры, просеивается, словно мелкий песок сквозь грубое решето. Незначительное преимущество недостаточно для устранения возможности пата, и в результате, становится трудным сделать партию хотя бы немного интересной.

Причина зла не в какой-либо слабости современных маэстро - скорее, напротив, в их силе, - и не в правилах старинных шахмат, но в радикальной реформе, внесенной в игру XVI столетием. Благодаря введению рокировки, атаки на короля стали крайне затруднительными; таким образом, из шахматной комбинации исчезает важный, пожалуй, даже наиболее характерный момент. Далее, не следовало приравнивать попросту к ничьей такие старинные разновидности выигрыша, как пат и обнаженный король. Если желают правильно оценивать, необходимо создать шкалу, знающую различные степени оценки. Употребляемая в настоящее время оценка тремя способами - выигрыш, ничья и проигрыш, слишком ограничена. Ибо шкала природы имеет неизмеримое количество оценок, *natura non facit altus* (природа не делает скачков), и мы должны стараться брать природу за образец.

Швейцарские шахматисты предлагали для устранения механичности шахматной игры сделать ныне строго единообразное начальное положение эластичным. Это предложение, на мой взгляд, не уничтожает зла в корне. Через сравнительно недолгий срок шахматисты создадут теорию, которая сможет быть удобно применена, и нынешнее зло, именно то, что скудная шкала современной игры ограничивает поле действия, - вновь парализует фантазию.

Реформа игры, родиной которой была Италия, в конце концов, послужила на пользу не творчеству гения, а только посредственности, блещущей памятью. Изменение предложенное швейцарцами, лишь на короткое время отделило бы гения от посредственности; затем память снова одержит верх, а гениальность останется бесплодной, благодаря скудности оценочной шкалы. Начальное положение может быть изменено, может остаться как есть - это не имеет значения, важно, чтобы была уничтожена рокировка и расширена шкала оценки. Можно подойти к этому способом, опубликованным мною четыре года тому назад в венгерском шахматном журнале (*Skak Vilag*): мат дает 10 очков, пат - 8, обнаженный король - 6, ничья - 5, получить 'обнаженного короля' - 4, получить пат - 2, получить мат - 0.

Подобная шкала ни в каком отношении не обеднит игру, а во многих отношениях внесет в нее разнообразие. Кто при нынешних правилах стремится к пату, будет добиваться его и при новых, ибо пат и, теперь все-таки лучше мата. Таким образом, комбинации, применяемые сейчас, не исключены, напротив, появятся новые, во-первых, комбинации, в которых тонкой игрой можно добиться пата или воспрепятствовать ему, во вторых, комбинации, в которых делают или, наоборот, получают обнаженного короля. И так как уничтожается, как сказано, рокировка, то короли будут находиться в центре, атака на короля и защита его приобретут несравненно более высокое значение и дадут больше возможностей, чем до сего времени.

Я, конечно, не предполагаю, чтобы большинство молодых маэстро немедленно одобрили это предложение. Я рад, что и для них пришло время. Тем не менее, и они когда-нибудь почувствуют препятствие в скудности оценочной шкалы, знающей только мат и ничью, которые уже не в силах вознаградить тонкие небольшие преимущества и тем обесценивают работу фантазии.

Я радуюсь появлению новых сил на горизонте шахматного мира. Я вспоминаю из дней моей молодости, что стареющие маэстро часто имеют тенденцию закрывать дорогу молодым силам и тем препятствуют прогрессу игры. Я не желаю принадлежать к тем, кто заслоняет путь молодежи; руководствуясь этим чувством, я уже в Гаванне выразил мое намерение отказаться от права на матч-реванш и освободить путь высоко ценимому мною Рубинштейну.

Я не собираюсь, разумеется, тем самым отказаться от шахматной деятельности. Пусть я не цезарь, но я и не побежден, и думаю, что смогу еще быть чем-нибудь полезен. Я хочу еще послужить жизни, науке и шахматам. Но я хочу предварительно со стороны присмотреться к игре. Я имел достаточно возможности, пусть теперь молодежь воспользуется ею. Среди нее мы видим Рубинштейна, Алехина, Боголюбова, Тартаковера, Бернштейна, Видмара, Шпильмана, Рети - может быть даже совсем юного Эйве,—среди них Дурас и Костич, и еще несколько молодых маэстро, все они имеют школу. А кто обладает школой, тот имеет право быть выслушанным. Молодые маэстро, надеюсь, добьются объединения шахматного мира в деятельную организацию. Теперь же она имеет печальный вид.

Прежде, чем я отправился в Гаванну, я путем долгих переговоров с Капабланкой условился, что партии матча останутся нашей собственностью. Это условие было письменно зафиксировано и включено в соглашение. Но оно не было соблюдено.

Из Нью-Йорка прибыл г. Гартвиг Кассель, который тотчас же нарушил свое обещание охранять право собственности на партии; и так он телеграфно сообщал их "Associated Press" и "United Press", которые затем передавали партии в Аргентину и Европу, то и соглашения с печатью потеряли всякую ценность, и маэстро были ограблены в своих правах. Правда, г. Касселю запретили вход в залы, но дело им было сделано.

Итак, г. Кассель, вам обязаны мы тем, что "United Press" и "Associated Press" в продолжение двух месяцев эксплуатировали имена и творчество двух маэстро, несмотря на их ясно выраженную волю, и не уплатив за это никакого гонорара. Что для вас значит нарушить слово, когда можно сделать выгодное дело! Печать, в общем держалась с достоинством и услужливо. Судьи и критики облечены высокими правами и несут высокую ответственность. Г. г. Гельмс, Берн, Шельфгаут, Мизес, Тарраш - руководители шахматной прессы в Соединенных Штатах, Англии, Голландии и Германии, стремились дать серьезную, обоснованную оценку. Хорошая шахматная критика требует, наряду с стремлением к объективности, также любви к шахматам и понимания мастерской игры; именно потому указанные литераторы выделяются среди прочих коллег их по перу. Г. Касселю шахматная игра безразлична. В Нью-Йорке он заменил величайшего шахматного писателя всех времен, Вильгельма Стейница, - американские газеты, по скверному совету, оставили великого маэстро без куска хлеба, предпочтя ему ловко навязавшегося невежду. От Стейница до Касселя, - какое падение!

Шахматисты Гаванны всеми лояльными средствами старались охранить мои права, облегчить мою работу и сделать мне пребывание там приятным. Я сохраняю дружеские воспоминания о г. Рафаэле Пазос, моем услужливом секунданте, с уважением вспоминаю беспристрастие супер-арбитра г. Понсе; и я с большим удовольствием вновь увидел моего коллегу, маэстро Стерлинга, с которым я в 1900 году познакомился в Париже. Приношу свою благодарность г. Труффин за хлопоты, которые я ему причинил и которые он любезно принял на себя; с удовольствием также вспоминаю часы, проведенные в шахматном клубе в кругу студенческой молодежи.

Но апрельский климат Гаванны был далеко не столь лоялен. По окончании 14-й партии я дал себя тщательно исследовать известному гаваннскому врачу-психиатру, д-ру Анциано. И он, как и домашний врач моего друга, настойчиво рекомендовал мне отдых. Затем начались переговоры по поводу формы моего отказа от продолжения матча, которыми беспристрастно руководил г. Понсе. Они носили оживленный характер, но все-таки привели к соглашению. Я послал письменный отказ, при чем никакого основания не указывал. С лихорадочной поспешностью я приобрел билеты на пароход, отплывавший в Испанию - по совету д-ра Анциано мне не следовало тотчас же ехать в Северную Европу - и через пару дней мы отправились в море.

Converted to PDF by «ChessZone»

Источник: [Валерий Сегаль. Литература и публицистика.](#)